

ХКШ ӨзССР—СНК УзССР

Ўзбекистан мaddъ мadaniјat asarlarъnъ saqlъş vа օrganіş komiteti
Узбекский комитет по охране и изучению памятников материальной культуры

МАТЕРИАЛЫ
УЗКОМСТАРИСА

Выпуски 2-3

М. Е. МАССОН

Краткая историческая справка о
Средне-Азиатских минаретах

В. А. ШИШКИН

Медресе Улугбека в Гиждуване

КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О СРЕДНЕ-АЗИАТСКИХ МИНАРЕТАХ.

(По поводу выпрямления минарета медресе Улугбека в Самарканде)

«Гибель памятников—обеднение культуры, закрытие путей к пониманию ее развития и, стало быть, к живой и полезной работе в настоящем для будущего.»

Орган Ц.Б.К. Краеведение, 1929, № 6, стр. 313.

Минарет, как башенная архитектурная форма, очень широко распространен в странах ислама. Он встречается теперь повсюду и на территории советской Средней Азии и в прилежащих землях Хоросана и Афганистана. Но в средние века, может быть, будучи расцениваемым до известной степени, как эмблема восторжествовавших с приходом арабов представителей торгового капитала, он в некоторых районах, где больше сохранялись в неприкосновенности прежние феодальные отношения, встречался враждебно, и там чинились всевозможные препятствия к возведению минаретов. Такое положение существовало, например, в Гузгане. В нем на всю область даже еще в X веке насчитывалось только два минарета при соборной мечети столицы, городе Иехудийе, на месте современного Мейхене. По словам Ибн Хаукаля, эмир, вельможи и народ (о купцах не упоминается—М. М.) долго не позволяли сооружать минареты на том основании, что нехорошо нарушать обычаи предков.¹

Минареты занимают столь видное место в зодчестве ислама, что исследователи мусульманского искусства не могли обойти их. О происхождении этой архитектурной формы было высказано немало предположений. Исходя из основного значения слова (منارة—т.е. место, где что-нибудь зажжено), прообраз минаретов видели в маяках² или в древних зороастрийских атешкеде—четырехугольных башнях огня типа находящихся около Пасаргад и Персеполя. По мнению Эрнста Дитца, крупного авторитета в области изучения мусульманской архитектуры, к моменту возникновения культовой потребности в создании минарета для провозглашения с него азана сооружения башенного типа в виде караульных башен, жилых башен, башен-маззолеев были уже известной и распространенной архитектурной формой в Азии. Кроме того, он считал важным фактором в развитии минаретов наличие известного

Ибн Хаукаль كتاب المسالك و لمالك. BGA. Vol. II. Lugduni Batavorum, 1873, 321.

¹ Конради был высказан даже едва ли основательный домысел, что на возникновение самой идеи минарета—молитвенной сторожевой башни ислама, эмблемы маяка—оказал влияние известный Панар древних, находившийся на острове Парос. Гельвальд. История Культуры. Происхождение новой культуры. Спб. 1900, стр. 82.

соревнования с культовыми сооружениями христиан—колокольнями. Угловые минареты (Flankierungstürme или Ecktürme) по словам Д и ц а, имеют происхождение с Востока, откуда они, между прочим, еще в эллинистическую эпоху были заимствованы античной архитектурой³. Несколько позднее он же склонялся к мысли, что известные победные столбы „джайя-стамбха“ около Кабула, относящиеся к буддийскому периоду, являются предвестниками исламских минаретов.⁴ Считая Сирию тем районом, где в мусульманской архитектуре впервые появился минарет, большинство исследователей отмечает преобладание там и в других местах в первые века ислама минаретов с четырехугольным планом, относя появление минаретов круглой формы вообще к более позднему времени.⁵

Где бы не были отстроены первые башни для азанчи, иногда исполнявшие одновременно и роль сторожевых столбов, при возведении их в других мусульманских странах, особенно в отдаленных провинциях халифата, вряд ли обязательно строго следовали первому образцу. Наоборот, имеются все основания предполагать, что в первые века в таких случаях местные строительные навыки и архитектурные традиции, сложившиеся под воздействием местных географических, экономических, социально-политических и других условий, несомненно нашли отражение в начавших сооружаться минаретах, а позднее могли закрепиться, войти, может быть, несколько видоизменившись под влиянием новых идеологических веяний господствовавших классов, в стиль эпохи и даже выйти за пределы первоначального района распространения. Такого порядка явления могли иметь место и в Средней Азии.

Есть определенные указания, что и до ислама в Средней Азии уже были минаретоподобные и именно культовые сооружения. Так, в Самарканде, служившем местом паломничества „неверных“ (язычников), был установлен на башне идол, перед которым падали ниц, издали завидя его, а, покидая город, пятились спиной до тех пор, пока он не скрывался из глаз⁶. Первые известные нам по литературным источникам мусульманские минареты в Средней Азии были, повидимому, все отдельно стоящие, не связанные конструктивно со зданиями мечетей. Таким был, например, минарет с деревянным верхом, сооруженный в Бухаре, рядом с соборной мечетью визирем Абу Убайдулла Джейхани в 306 г. х. (918/9 г. н. э.) и пострадавший от пожара при осаде

³ Diez, E. Kunst der islamischen Völker. München, 1915, s. 21-22.

⁴ Diez, E. Die buddhistischen und islamischen-Baudenkmäler Afghanistans. O. V. Niemeyer. Afghanistan. Leipzig. 1924, s. 53. Abb. 52 и 53. По словам Фергюссона, известный рубчатый минарет (около 80 м.) близ Дели (начала XIII столетия) сооружен Кутб-ед-дином именно как „джайя стамбха“, т. е. эмблема завоевания, вполне понятная и ясная для индуистов.

⁵ „Die herrschende Form des syrischen Minarets ist die viereckige polygone und Rundformen kommen erst in späterer Zeit vor.“ Diez, E. Die Kunst der islamischen Völker... s. 22. „La sua (minareti) forma quadrangolare-talora terminante a cilindro-fu la preferita dei primi secoli musulmani. Di tale foggia furono i minareti di Mutavakkil (a 847-861) a Samarra; die Ibn Tulun (a 872-73-879) e di Hakim (a 990-1003) al Cairo. E fu il rifatto da Abderrahman III (a 912-961) a Cordova. Della foggia stessa eran tutti i minareti della Siria nel secolo X (Muqaddasi)“. Rivoira, G. T. Architettura musulmana. Milano, 1914 p. 46.

⁶ Идриси, Абу Сеид Абд-ар-рахман, б. Мухаммед. Кандия (малая). Перевод с примечаниями В. Л. Вяткина. Справочная книжка Самаркандской области. Вып. VIII, Самарканд, 1906, стр. 250.

города Шемс-аль-Мульком в 460 году⁷. Это самостоятельное положение минаретов иногда вытекает из совершенно точных описаний географов. Так, Макидиси (X век) при упоминании города Джиренджа (в тексте Гиренг — گيرنگ) в области Мерва говорит, что „у бока ее (соборной мечети) каравансарай, а между ними минарет“⁸. Каково было устройство не дошедших до нас древнейших средне-азиатских минаретов, неизвестно. Имеющиеся данные археологического порядка ограничиваются пока результатами раскопок В. В. Бартольда в Самарканде на Афрасиабе в 1904 году, где им на месте древней соборной мечети обнаружено было основание минарета, сложенного из крупных кирпичей (45,5 см. × 37,5 см. × 7 см.) на алебастровом растворе и состоявшего из четырехугольной платформы (2 саж. 10¹/₂ в. × 2 саж. 6 в. × 1 с. 3 в.), на которой возвышалась меньшая квадратная же кладка (5 ар. × 5 ар. × 15¹/₂ в.). На кирпичах оттиснуты штампы со словами: Ихшид (титул домусульманских правителей Согда, употреблявшийся до конца VIII века; как собственное имя оно могло встречаться и позднее), Иштихан (город в 7 фарсах от Самарканда, куда ихшиды в VIII веке перенесли свою столицу из селения Ривдад), Мусейаб (собственное имя) и др. По мнению В. В. Бартольда, это сооружение относится ко времени не позднее X века н. э.⁹

Как показала практика веков, башенная архитектурная форма оказалась довольно устойчивой и хорошо противостоящей действию времени, почему среди наиболее ранних из дошедших до нас памятников зодчества мы насчитываем немало башенных мавзолеев и минаретов: мавзолей Кабуса на реке Гюрген (1006/7); мавзолей испехбеда Абу Джафара Мухаммеда в Радкане (1016—1021); минарет на Ширабадской дороге в Термезе (1032)¹⁰; качающийся минарет при мечети у гробницы шейха Баязида в Бистаме (XI—XII в.); известная башня Бурана близ Токмака; минарет в бывшей столице Ферганы, Узгенде; минареты в развалинах Дехистана (Мешхеди-мисриан); „Башня

⁷ Наршахи. Абу Бекр Мухаммед, б. Джафар. تاریخ نرشخی. Литографированное издание Новия Бухара, 1322, стр. 63. Его же, История Бухары. Перевел с персидского Н. Лыкошин, под редакцией В. В. Бартольда. Ташкент, 1897, стр. 66.

⁸ Макидиси. کتاب احسن التقاسیم فی معرفة الاقالیم. BGA. Vol. III, Lugduni Batavorum, 1906, стр. 312.

⁹ Бартольд, В. В. Отчет о командировке в Самарканд. Известия русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Спб. 1904, ноябрь, № 4, стр. 23. Отчет с небольшим опущением перепечатан в Протоколах ТКЛА, год IX, Ташкент, 1904, стр. 60—63.

¹⁰ Дата на минарете 423 г.х. прочтена В. Л. Вяткиным во время работ экспедиции Музея восточных культур в 1927 году. При публикации результатов этой экспедиции в сборнике II указанного музея дата эта переведена как 1031 г. н.э. (стр. 4, 20, 22). Так как этот лунный год начинался в мертвый строительный сезон 19 декабря 1031 года, то более вероятно, что год 423 х. соответствует 1032 г. н.э. Благодаря этой неточности минарет вошел уже в научную литературу с искаженной датировкой. Вообще перевод дат с мусульманского летоисчисления на европейское в сборнике II мало удачен. Это относится, например, к датировке дверей Урабийского медресе Рустамбека 1295 г.х. (стр. 7), который начался 24 декабря 1877 года и, следовательно, правильнее было бы указать временем их изготовления 1878 год. Ремонт здания этого медресе в 1332 году по тем же соображениям имел место не в 1913 (стр. 7), а в 1914 году.

смерти^{*} или минарет Арслан Хана в Бухаре (1127);¹¹ минарет бухарского садра Бурхан-ед-дина Абд-ал-Азиза II в селении Вабкент (1196/7); рубчатый минарет в Джар Кургане (XIII в.); минарет Кутлуг Тимура в Куня Ургенче (XIV в.) и ряд других. Нет сомнения, что в древности их было значительно больше. Относительно некоторых до нас дошли лишь письменные известия. Но совершенно также очевидно, что большинство минаретов, сделанных из более крупных строительных материалов (дерево, сырцовый кирпич, хотя бы и с облицовкой и из жженого кирпича, как у Бегим-мунара, Казалинского уезда) и оставшихся почему-либо без надзора и поддержки, пришло в упадок и полное разрушение. Главными причинами гибели средне-азиатских минаретов. были—землетрясения, „зуб времени“ и особенно сам человек, охотно растаскивавший из старинных построек прекрасный кирпич для своих домашних нужд.

Последние сто лет ознаменовались падением целого ряда старых минаретов. Так, в первые годы завоевания русскими земель по нижнему течению Сырдарьи, в развалинах города Саурана стояли два семисаженные минарета, уцелевшие от мечети первой половины XVI века (1532-1540). Заснятые фотографическим путем М. К. Приоровым в 1866 году, они известны нам по его фото, вошедшему в первый том археологической части известного Туркестанского альбома и по нескольким кратким описаниям. Уже в 1867 году рухнул один из них, а вскоре упал и другой, основание которого было лишено устойчивости от массы со всех сторон выбранного окрестными жителями кирпича. В 1874 году одному из участников Хивинского похода 1873 года, капитану Денкгофу удалось зарисовать на кладбище Саид Мураджан, близ Петропавловска (ныне Турткуль) едва удерживавшийся в равновесии большой минарет, рухнувший вскоре по той же причине, что и сауранские. В тех же годах прошлого столетия среди городища Куня Ургенч стояло два больших минарета¹². Один из них, старейший, через некоторое время упал, и, согласно письма Хивинского хана, в 1900 году при растаскивании кирпича из его основания была извлечена закладочная свинцовая плита, надпись на которой гласит, что минарет построен в 401 г. х. (1010 г. н. э.)

¹¹ Названием своим минарет обязан сбрасыванию с него в прежнее время людей по распоряжению эмиров. В последнее время в научной литературе проскальзывало несколько скептическое отношение к этим фактам. Так, у И. И. Умнякова, мы читаем: «Передают, что в Бухаре при Мангытах были один-два случая сбрасывания преступников с этого минарета, но письменные известия об этом ничего не говорят.» Умняков, И. И. Архитектурные памятники Средней Азии. Исследование. Ремонт. Реставрация. Ташкент, 1929, стр. 16. Между тем, как говорил мне В. А. Вяткин, ему встретилось современное историческое указание на подобный случай сбрасывания с бухарского минарета в конце XVII столетия, когда один акробат с помощью особых изобретенных им скобок сумел взобраться по наружной поверхности минарета до его вершины. Присутствие такого искусника в столице показалось небезопасным, и в интересах целости казны и охраны частного имущества, изобретатель был скинут с минарета по распоряжению правившего в то время Субхан Кули хана (1680—1701). О сбрасывании преступников упоминают многие европейские путешественники: Виррес, Крестовский, Schuyler, Шварц и другие. Между прочим, в 1871 г. был сброшен глава разбойничьей шайки, Бабан, с товарищами, а в 1884 году такая же участь постигла укравшего большую сумму у богатого купца.

¹² Кун, А. Л. От Хивы до Газавата. Материалы для статистики Туркестанского края. Выпуск IV. Спб. 1876, стр. 213.

хорезмшахом Абул-Аббас Мамуном II¹³. К середине прошлого столетия относится разрушение одного из угловых минаретов переднего фасада Рабати-малик (XII в.) близ Кермине, у которого в 40 годах XIX века высились еще два минарета, а описание 1870 года отмечает только один¹⁴).

Но особенно в этом отношении не повезло Самарканду. На площади, занятой руинами соборной мечети Тимура, известной под именем мечети Биби-ханым (конец XIV-начало XV в.), еще в 1841 году вдоль северного фаса высились два угловых дворовых минарета¹⁵, но к моменту завоевания города русскими в 1868 году северо-восточного минарета уже не существовало. Второй, северо-западный, наклоняясь все больше и больше в 1897 году во избежание несчастных случаев от ожидавшегося падения, был разобран в своей верхней части городским архитектором Нелле по распоряжению губернатора Самаркандской области Н. Я. Ростовцева. Это действие местной администрации вызвало протест Археологической комиссии, но акт разбора был уже осуществлен и протест никакой реальной пользы обезображенному памятнику не принес¹⁶).

Как удалось мне установить, во время занятия русскими Самарканда в мае 1868 года у мавзолея Тимура, „Гурэмир“ (начало XV в.), по обе стороны от главного здания стояло два минарета, но осенью того же года упал северо-восточный¹⁷, а 18 мая 1903 года среди дня неожиданно свалился и второй, северо-западный. Долгое время лежавший неубранным в виде груды растаскивавшихся жителями кирпичей, он вызвал в свое время некоторое возмущение в среде туркестанской интеллигенции, нашедшее отражение и на страницах местной печати¹⁸. Наконец, в 1870 году также неожиданно рухнул юго-западный угловой минарет заднего фасада медресе Улугбека (первая половина XV века).

Так один за другим превращались в руины краса и гордость архитектурных памятников Самарканда, стройные минареты, определявшие в течение веков своими высоко вскинутыми стволами общий облик города, утопавшего в зеленой куще древесных насаждений. Злым роком гибели шедевров средне-азиатского зодчества была в значительной степени господствовавшая в дореволюционном обществе атмосфера равнодушия в отношении исторических памятников ислама, а в последние предвоенные годы и враждебного на-

¹³ Катанов, Н. Хорезмийская свинцовая плита, найденная в развалинах Куны Ургенча. ЗВО, т. XIV, в I, Спб. 1902, стр. 15. Статья перепечатана в сокращенном виде в Протоколах ТКЛА, год VII, Ташкент, 1902, стр. 56-57. Плита хранится в САМИИР, в Ташкенте.

¹⁴ Костенко, А. Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. Спб. 1871, стр. 42.

¹⁵ См. рисунок развалин мечети Тимура в Самарканде, приложенный к книге Lehmann, A. Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. St. Petersburg, 1852.

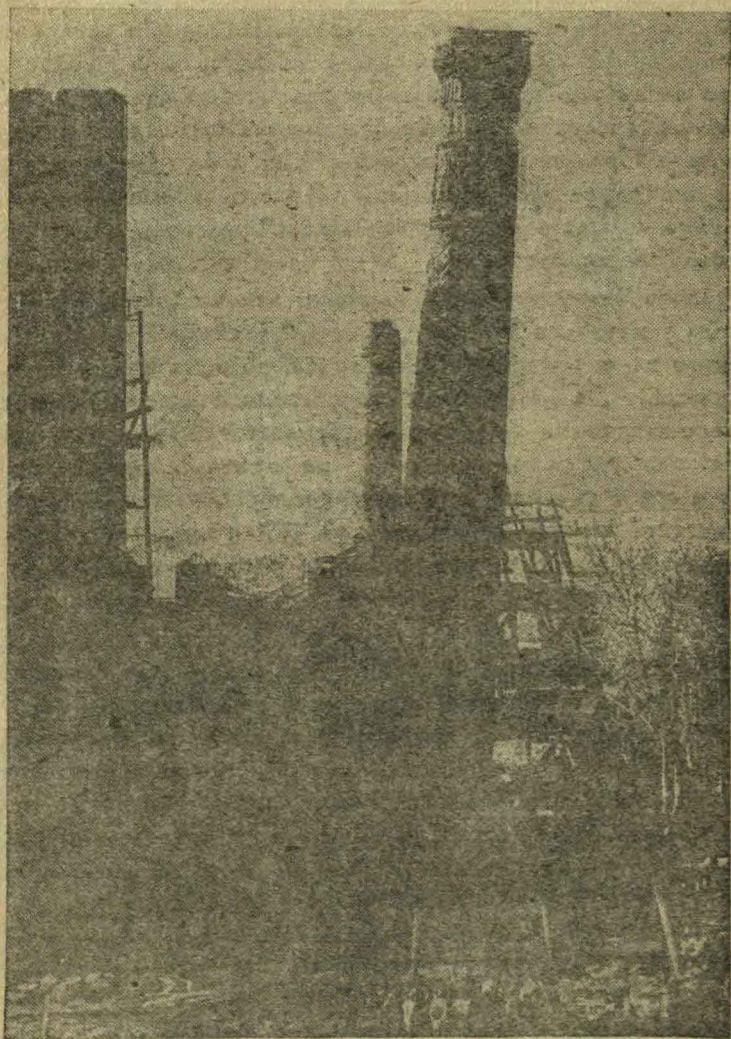
¹⁶ Отношение Археологической комиссии от 29 декабря 1897 года за № 2400 на имя Туркестанского генерал-губернатора.

¹⁷ Массон, М. Е. Результаты археологического надзора за ремонтно-исследовательскими работами Самкомстариса на мавзолеях Гурэмир и Аксарай в Самарканде в 1924 году. Известия Средазкомстариса, вып. 1. Ташкент, 1926 год, стр. 96-97.

¹⁸ См. заметку в газете «Асхабад», 1903, от 14 июня.

строения к ним некоторых представителей высшей администрации Туркестанского края¹⁹.

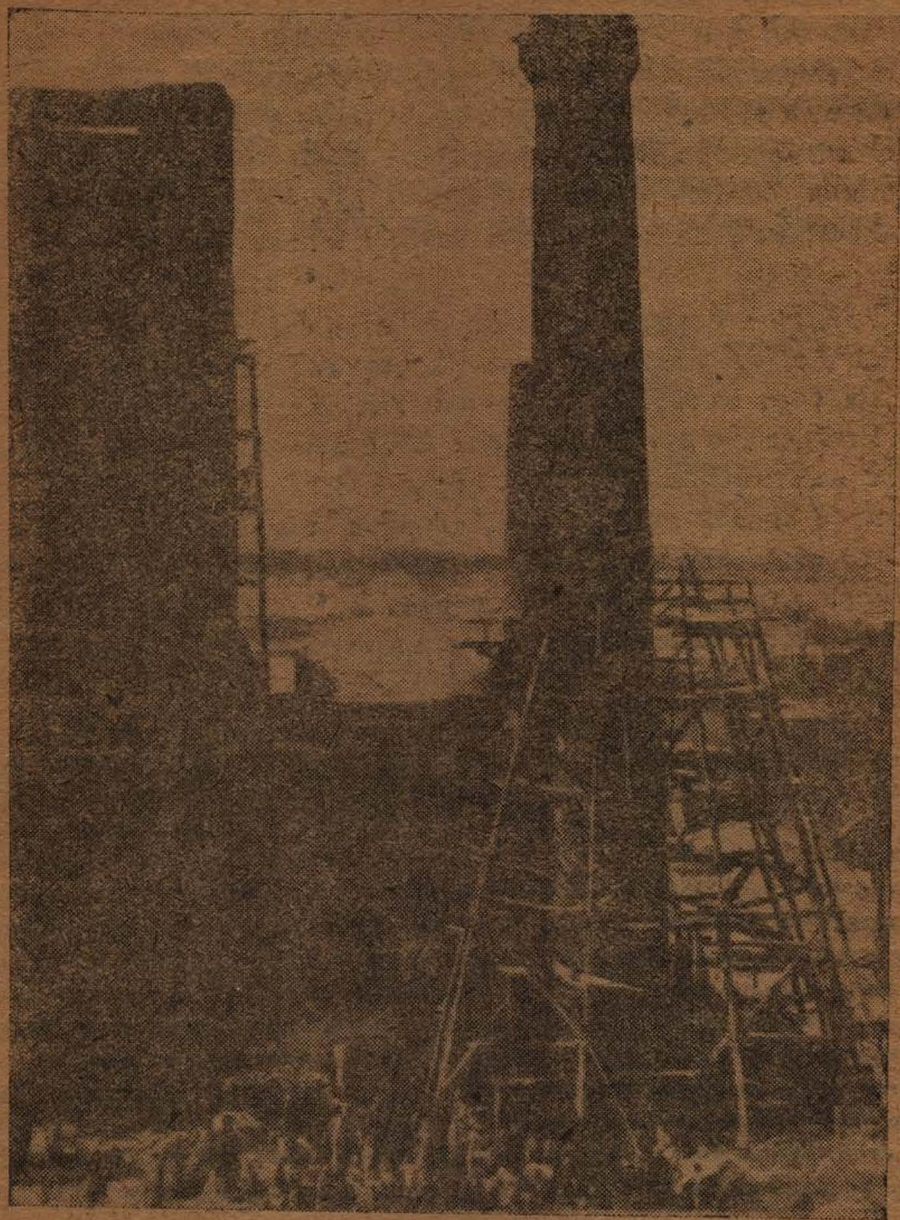
В 1918 году черед, казалось, дошел до северо-восточного минарета медресе Улугбека, начавшего ежедневно интенсивно наклоняться наружу и долженствовавшего в скором же времени рухнуть на угол противоположного медресе Тиллякари (XVII в.). Частной инициативной группы лиц, среди которых был В. Л. Вяткин, архитектор М. Ф. Мауер, инженер Б. Н. Ка-

Северо-восточный минарет медресе Улугбека в Самарканде до выпрямления.

¹⁹ В этом отношении довольно показательен случай, имевший место в 1913 году при осмотре памятников Самарканда туркестанским генерал-губернатором Самсоновым. Демонстрировавший их археолог В. Л. Вяткин указал тогда на Регистане о необходимости отпуска средств для их ремонта и поддержки. Главный начальник края ответил на это решительным отказом, мотивируя, что в интересах русской государственности не поддержание, а разрушение их. Мнение генерал-губернатора тотчас было подхвачено частью свиты, а угодливый адъютант в порядке остроумного предложения высказал свои соображения о применении для этой цели артиллерийского огня.

стальский и другие, самочинно создавалась комиссия по поддержанию „падающего минарета“. М. Ф. Мауером был составлен проект временного укрепления минарета в наклонном состоянии путем применения тросовых тяжей, натянутых на врытых в землю деревянных якорях. Горсовет отпустил небольшие средства. Минарет одели в деревянный корсет. Стальные струны перехватили ствол больного памятника. И эта временная система, получившая шутовское прозвище „чертовой гитары“ и переменившая несколько раз

Северо-восточный минарет медресе Улугбека в Самарканде
после выпрямления в 1933 г.

положение якорей, на много лет задержала дальнейший наклон минарета, вершина которого успела отойти от нормального положения на 1,8 м. при общей высоте памятника в 36 метров.

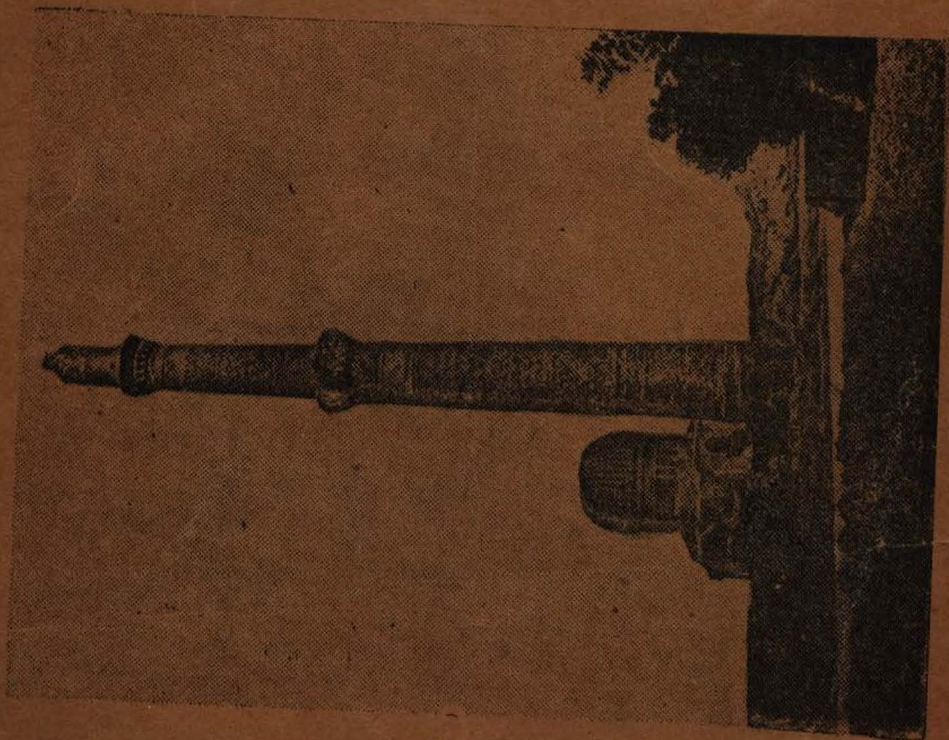
В 1919 году при Областном Комиссариате народного образования была учреждена комиссия по охране памятников Самарканда, а в 1920 году самаркандская комиссия превратилась в филиал только что учрежденного тог-

да Туркомстариса. С тех пор к участию в разработке вопроса о поддержании минарета привлекались, кроме местных средне-азиатских работников, специалисты из центра. После нескольких лет обстоятельного изучения минарета М. Ф. Мауеру удалось точно диагностировать его состояние и положение в пространстве и тем облегчить осуществление проекта по его выпрямлению, составленного известным московским специалистом, инженером В. Г. Шуховым.

В 1932 году эта ответственная задача блестяще осуществлена Узкомстарисом. Впервые в реставрационной археологической практике был проделан опыт в столь крупном масштабе и столь смелым приемом. Простота идеи и несложность всей технической арматуры делают честь достижениям советской технической мысли. Узкомстарис с чувством глубокого удовлетворения может оглянуться на пройденный тернистый путь „борьбы за минарет“, первый минарет, спасенный от гибели.²⁰

²⁰ Из случаев падения минаретов в зарубежных сопредельных странах за последние годы интересно отметить имевший место на территории развалин «Мусалля» у Герата (первой половины XV века). В 1885 году по настоянию английских инженеров, ожидавших в то время осады Герата русскими, афганский эмир Абдаррахман приказал разрушить старые здания Мусалля. Это распоряжение полностью исполнено не было, и участники проезжавшей в начале империалистической войны германской экспедиции зафиксировали там девять минаретов и два купольных сооружения. Бывший в 1924 году в Герате инженер Букенич говорил мне, что две группы минаретов, по четыре каждая, расположены, примерно, в 200 саж. к ССВ и ЮЗЗ от мавзолея с рубчатым куполом и планом взаимного расположения свидетельствуют свое угловое положение у развалин двух когда то крупных прямоугольных зданий. Один отдельный минарет стоит у груды кирпича в 100 саженях к ССЗ от упомянутого мавзолея. В 1924 году на Мусалля возвышалось только 8 минаретов, так как один, а именно юго-восточный из северной группы упал незадолго до прибытия в Герат представителя СССР. Некоторой группой афганского общества эти два события ставились в связь при антисоветской агитации.

Минареты гератского «Мусалля» представляют особый интерес при изучении аналогичных памятников Узбекистана. Обычно принято считать, что площадки средне-азиатских минаретов, расширенные благодаря карнизу из сталактитов, должны покрываться «фонарями» той или иной сохранившейся до наших дней формы. Так обычно реставрируют мысленно и угловые минареты самаркандских памятников XV и XVII вв.: мавзолея Гурэмир, мечети Бибиханым, медресе Улугбека и Ширдор. Сравнение их с трехъярусными минаретами гератского Мусалля XV века может, мне кажется, поколебать это прочно установившееся мнение. Очень вероятно, что только привычка видеть самаркандские минареты такими, как они сейчас есть, мешает ощутить их недостаточную архитектурно-стилевую стройность. На первых по времени рисунках и фотографиях самаркандских памятников над площадками минаретов можно видеть остатки как бы продолжающейся выше кладки стволов и входов в их винтовые лестницы.

Один из минаретов Мусаллы в Герате и мавзолей
XV века

Металлическая конструкция в основании
ного минарета медресе Улубека в Самарканде.

МЕДРЕСЕ УЛУГБЕКА В ГИЖДУВАНЕ.

Несмотря на то, что работа по изучению памятников материальной культуры Средней Азии в тех или иных формах ведется уже несколько десятков лет, можно определенно сказать, что сделано для изучения этих памятников все еще очень мало. Даже памятники монументальной архитектуры, поддающиеся изучению гораздо легче, чем связанные с хлопотливыми и дорого стоящими раскопками поиски мелких вещественных памятников, скрытых в недрах городищ и курганов, известны далеко недостаточно. Не изучены как следует грандиозные по размерам и пышные по декоративному убранству здания, расположенные в значительных городских центрах, что же касается глухих мест, заброшенных в степи кишлаков и аулов, в них до сего времени возможны находки никому неизвестных значительных сооружений, самые имена коих не введены пока еще в научный обиход. Изучение же богатейшего наследия, оставленного нам бесчисленным рядом поколений среднеазиатских зодчих, необходимо для более полного выяснения экономической жизни страны, хозяйственного и культурного взаимодействия населявших ее этнических и общественных групп и связей с окружающими странами, в особенности при крайней односторонности литературных источников, которыми располагает история Средней Азии.

Один из памятников, насколько нам известно, не упоминавшийся нигде в научной литературе, обнаружен нами два года тому назад в большом селении Гиждуван в 40 км. от Бухары.¹

Здание интересно уже тем, что оно является третьим медресе, построенным при Улугбеке и, таким образом, пополняет список сохранившихся до нашего времени возведенных им зданий. Во вторых, оно важно, как памятник, относящийся к одной из самых блестящих эпох среднеазиатского зодчества, обусловленной возникновением огромной тимуровской империи, концентрацией значительных богатств в руках эмира и правящих классов, притоком дешевой рабочей силы в виде пленных рабов и интенсивным развитием торговой и ремесленно-промышленной деятельности среднеазиатских городов. Зодчество этой эпохи резко отличается и формальным и внутренним содержанием от архитектурного искусства предшествовавших эпох. Рожденное великодержавными тенденциями эмирата, оно стремилось грандиозностью замысла, монументальностью форм и богатством сверкающих лазурью и золотом украшений затмить все возведенное раньше. Приток художников и зод-

¹) А. А. Семенов в статье «Материальные памятники арийской культуры (Сборник «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 113—150) упоминает лишь «старинный мазар с гробницей... знаменитого шейха» хаджи хаджей Абдул-Халыка Гиждуванского» (стр. 137), не давая описания ни самого мазара, ни построек вокруг него.

чих, собранных из покоренных Тимуром областей, главным образом, Персии, обусловил эклектический характер этого зодчества, впитавшего в себя разнородные элементы вместе со старой среднеазиатской традицией. В результате слияния этих разнородных элементов возникла архитектура, имеющая свой канон, свой определенный стиль, явившаяся крупным вкладом в мировую архитектуру.

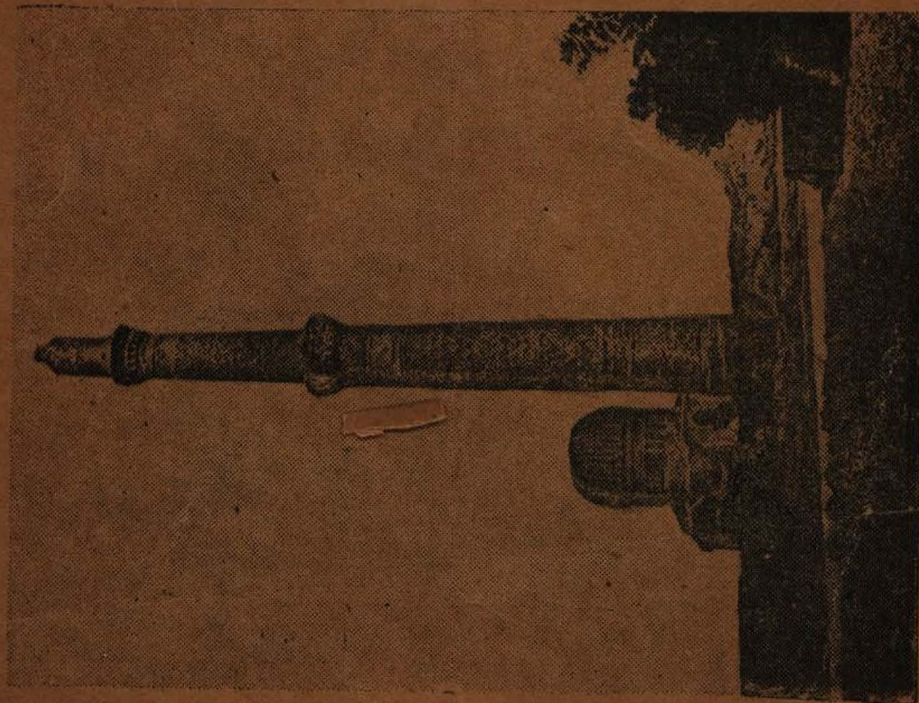
На протяжении одного только царствования Тимура (1370—1405 г.) совершается эволюция стиля от небольших, крепко связанных со старой местной традицией зданий (ранние мавзолеи в Шахи-Зинда, относящиеся к эпохе Тимура, части Чашма-Аюб в Бухаре и др.) к наивысшему его выражению в мечети Биби-Ханым. Интенсивная строительная деятельность продолжалась при Улугбеке, внуке завоевателя, и последовавших за ним тимуридах, когда, накануне падения недолго существовавшей тимуровской империи, неуклонно подготовлявшегося как кризисами внутри страны, так и новой волной завоевателей—узбеков, возводились дворцы, мечети, медресе, отличающиеся строгостью форм и великолепием декоративного убранства.

Расцвет культурной жизни достигает своего зенита, за которым следует медленное и постепенное падение, совершавшееся на протяжении нескольких столетий. В архитектуре это угасание сказалось в том, что созданные при Тимуре и его преемниках архитектурные типы, общие ансамбли и планы зданий остаются для последующих столетий неизменными образцами, которым подражают позднейшие строители, не вводя уже почти ничего принципиально—нового. Эволюция стиля, конечно, продолжается вместе с изменением экономических и политических факторов, но она сказывается, по большей части, лишь в трактовке отдельных элементов здания, большей манерной изощренности декорации, одновременно теряющей достигнутое в XIV—XV веках техническое совершенство выполнения, поддержать которое не в силах была бедневшая страна, да в разработке некоторых конструктивных приемов, главным образом, в системе купольных перекрытий.

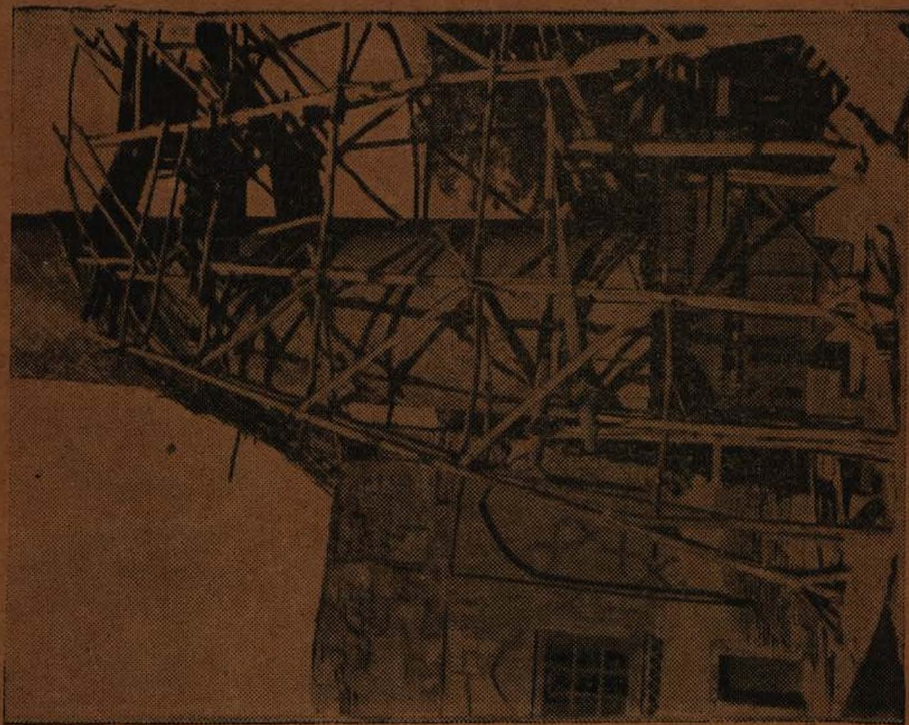
Медресе, построенные Улугбеком, являются старейшими сооружениями этого типа в Средней Азии. Так как более древних медресе до нас не дошло, хотя существование их устанавливается по Наршахи в X веке (медресе Фараджек), нам не известна эволюция медресе в дотимуридском зодчестве.² В сохранившихся же медресе Улугбека мы видим уже вполне сложившийся архитектурный тип. Выработался ли этот тип раньше, или только в тимуридскую эпоху он нашел свое выражение—неизвестно. Можно сказать определенно только, что улугбековские медресе являются последним словом этой эволюции, так как в дальнейшем медресе более поздних периодов повторяли в основном улугбековские формы, допуская только незначительные отклонения, как это было указано нами выше.

Гиждуванское медресе Улугбека составляет одну из основных частей архитектурного ансамбля, возникшего при весьма популярном и пользовав-

² Медресе, построенные Улугбеком датируются: самаркандское 823/1420, а бухарское—820/1417 годами. Более древние медресе, построенные сельджуками в Конии значительно отличаются от среднеазиатских по плану и внешнему виду и никоим образом не могут считаться для последних исходным образцом (о памятниках Конии см. Fr. Sarre. *Denkmäler Persischer Baukunst*, I. Berlin, s. 10—11 и 20—25 и E. Diez. *Die Kunst der Islamischen Völker*. Berlin, 1915, ss 115—117).

Один из минаретов Мусаллы в Герате и мавзолей
XV века

Металлическая конструкция в основании северо-восточ-
ного минарета медресе Улугбека в Самарканде.

шимися почитанием и известностью далеко за пределами гиждуванского района, мазаре Абдул-Халыка Гиждувани, знаменитого мистика-суфия, от которого ведут свою духовную родословную хаджи одного из распространеннейших в свое время дервишских орденов—накшбанди.³) Сооружение этого медресе при прославленном мазаре, месте паломничества, позволяет предположить, что оно в отличие от медресе Бухары и Самарканда, предназначенных служить „домами науки“, носило скорее votивный характер и предназначалось, судя по некоторым данным, не столько для целей обучения, сколько общежитием для находившихся при мазаре дервишей. В этом убеждает нас косвенно то обстоятельство, что других помещений для жилья при мазаре нет.

Здание медресе не велико. Ориентировано оно входом на восток. Сравнение трех медресе, возведенных Улугбеком, дает нам, как это выяснено выше, весьма определенное представление о главнейших основных элементах медресе, как архитектурного типа и их взаимном соотношении. Общее всем этим медресе весьма значительное развитие порталной части, с огромным декоративным „пештаком“, два больших купольных помещения по обе стороны от входа, служащие аудиторией или мечетью, почти квадратный двор, окруженный одним или двумя этажами арок, под которыми устроены входы в кельи-худжры. Планы всех трех медресе в основном симметричны.

Но сравнение этих памятников показывает и некоторые, присущие каждому из них индивидуальные особенности, заключающиеся в основном в нижеследующем. В Самаркандском, наиболее богатом и значительном по размерам медресе, под большой аркой портала имеются два отдельных, не сообщающихся, входа внутрь, которые расходятся в разные стороны коленчатыми корридорами и выходят во внутренний двор здания. Купольные помещения по обе стороны от входа, принимая во внимание огромные масштабы сооружения, относительно мало развиты и центр тяжести перенесен в заднюю, западную его часть, где возведена большая аудитория-мечеть и два значительных зала по обе стороны рядом с ней. Большие арки, высотой в оба этажа, расчленяющие аркады каждой стороны двора на две части, расположены по всем его четырем сторонам. Худжры были расположены некогда в два этажа (верхний этаж не сохранился). На переднем фасаде здания, по сторонам от „пештака“- портала нет худжр, имеются лишь слабо углубленные декоративные арочки. Все четыре угла здания заканчиваются высокими башнями-минаретами. На южном и северном фасадах имеются небольшие боковые порталы.⁴

В Бухарском медресе, послужившем, вероятно, образцом для всех главнейших медресе Бухары, а в позднейшее время Ташкента, Коканда, Хивы и других городов, в отличие от Самаркандского, под аркой портала имеется только один вход внутрь, который непосредственно за воротами делится на

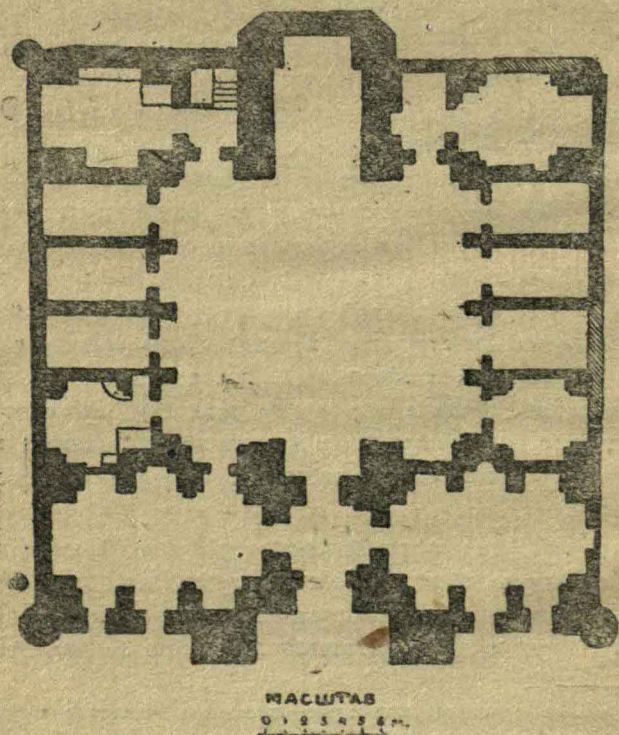
³ Хаджа Абдул-Халык родился, жил и умер в селении Гиждуван, сохранившем на протяжении тысячелетия свое древнее название. Дата смерти его—575 год хиджры или 1179—1180 нашей эры (توفات), Ташкентская литография, 1929-1911 г. стр. 18 и след.; توفات الانس, литография, Луинов, 1910, стр. 339 и след.).

⁴ Более подробное описание см.: М. Е. Массон. Регистан и его медресе. Ташкент, 1926 и В. А. Вяткин. Памятники древностей Самарканда. Самарканд, 1929, стр. 2—4.

дза коленчатых выхода во двор. Помещения мечети и дарсхана, симметрично расположенные в передней части здания, приобретают гораздо большее относительное значение. Большие арки во дворе возведены только на северной противоположной входу стороне двора и на южной между выходами во двор. На переднем фасаде здания, по бокам от портала двумя ярусами расположены арки худжр, по четыре с каждой стороны. Фланкирующие башни переднего фасада, повидиму, обе частично или полностью переложены при одном из ремонтов здания. Они лишены облицовки и не дают возможности судить об их былой высоте. Таким образом, медресе в Букаре, построенное несколько раньше самаркандского, более скромное и по размерам и по декоративному убранству дает картину значительного упрощения основных форм.

Медресе в Гиждуване—третье медресе Улугбека—еще более упрощено в своем плане и скромно по размерам.

Под стройным пештаком переднего фасада, который кажется особенно высоким, благодаря незначительной высоте премыкающих к нему стен здания, имеющих только один этаж, двухстворчатая, украшенная резьбой дверь ведет в небольшое купольное проходное помещение, а через него—прямо во двор медресе. По сторонам от входа имеются оба традиционные помещения: справа—мечеть, слева дарсхана. Почти квадратный внутренний двор медресе окружен одноэтажной аркадой, под которой имеются входы в де-

План медресе Улугбека в Гиждуване.

сять худжр. По четыре худжры находятся с южной и северной стороны и две на западной. Большая арка построена только на западной, противоположной входу, стороне. На переднем фасаде, как и в самаркандском медресе,

нет худжр, а также, как и там, имеются ложные арки декоративного значения, очень слабо углубленные, по две с каждой стороны. Под каждой из этих арок пробито по одному прямоугольному окну и двери под ним. Окна и двери выходят в помещения мечети и дарсхана. Края переднего фасада завершаются выступающими на три четверти круглыми башнями одинаковой высоты со стенами. Такая же башня, но меньшего диаметра, имеется на юго-западном углу и только лишь намечаются закруглением и в северо-западном. Судя по орнаменту облицовки, покрывающей башни переднего фасада, они были первоначально выше, но были ли они высокими столпообразными минаретами, подобными самаркандским—судить по имеющимся остаткам нельзя.

Из внутренних частей медресе следует несколько более подробно остановиться на описании мечети и дарсхана. Будучи, как сказано выше, симметрично расположенными по обе стороны от входа, они одинаковы по своим планам. Это продолговатые помещения, расчлененные каждое на три части сильно выступающими устоями. Устои соединены попарно стрельчатыми арками. Каждая из образованных таким образом трех частей перекрыта сложной конструкции сводом, покоящимся короткими сторонами основания на стенах, а длинными на арках. Средний из этих сводов имеет еще, кроме того, фонарь-купол на низком шестигранном барабане, прорезанном окнами, освещающими помещение. Стены обоих помещений оштукатурены алебастром и лишены каких-бы то ни было украшений.

Худжры медресе представляют небольшие комнаты, покрытые в четырех случаях куполками, а в остальных—простыми стрельчатыми сводами.

По внешнему декоративному убранству гиждуванское медресе очень сходно с бухарским, как по техническим приемам его выполнения, так и по орнаментировке. Это сходство усугубляется еще тем, что оба медресе подверглись основательному ремонту в конце XVI века.

Разнообразие технических приемов в облицовке обоих медресе (бухарского и гиждуванского) весьма не велико и ограничивается фигурной выкладкой из простых неглазурованных и поливных голубых и синих кирпичиков, составляющих простой геометрический узор или ритмично чередующиеся краткие кufические надписи и майоликовыми плитками, заполняющими тимпаны арок или составляющими полосы надписей в разных частях здания. Как в том, так и в другом медресе, значительная часть обветшавшей к тому времени углубековской облицовки была заменена новой-абдуллахановской. Мастера времени Абдулла-хана (конец XVI века), работая своими, очень характерными для них приемами, не старались подделываться под орнаментику и технику тимуридской эпохи, технику, которая всего за половину столетия до них повторяется в майоликах Мир-Араба и Большой мечети в Бухаре. Благодаря этому, элементы, внесенные строителями XVI века легко распознаются в облицовке. Главные отличительные особенности того и другого вида майолики заключаются в том, что майоликовые плиты времени Улугбека выполнены крупным, четким узором с подчеркнутыми контурами. Тона майолик—голубой, белый, и синий с золотом. В майоликах конца XVI века узор мельчает, переходя в чрезвычайно характерное „мелкотравчатое“ сплетение спиральных побегов, причудливо вырезанных листьев и цветов. Контур узор несколько сбиваются и смежные тона заплывают один в другой. Тона: белый, голубой, синий и зеленый. Позолота отсутствует.

Ни резной изразцовой мозаики, ни резных мраморных вставок, которыми так богато самаркандское медресе, нет в этих двух медресе.⁵

Единственной частью гиждуванского медресе, носящей сплошную облицовку, является его передний фасад. Пилоны портала, разделенные горизонтальными тягами на три прямоугольника—панно, с заканчивающимися внешние края „пештака“ узкими полуколонками, украшены выкладкой из цветных глазурованных кирпичиков синего и голубого цветов с простыми неглазурованными, дающие несложные геометрические орнаменты. Тот же прием употреблен и в декорации примыкающих к portalу стен и башен по углам. В последнем случае кирпичиками выложены прямоугольные куфические надписи.

Майоличное заполнение тимпанов арок не сохранилось, так же как и широкая полоса надписи, украшавшая верх портала. Внутри большой арки „пештака“, обрамленной по внешнему краю гладким валиком меньше, чем половинного сечения, украшенным майоликовыми лекальными плитками, стены устоев, арка и шипцовая стена также одеты облицовкой из простых и полированных кирпичиков.

Над аркой входа во двор медресе, опоясывая усток и шипцовую стену, идет горизонтальная широкая полоса надписи белыми буквами по синему фону. Надпись сохранилась фрагментарно, но начало и конец ее читаются без затруднений:

هذا مقام كرم و مدار كالجنان ...

Дальше следует большой пробел, в котором уцелели отдельные плитки, сохранившие лишь обрывки фраз и слов, а за пробелом следует:

... سلطان الاعظم والخابان الاكرم ... مغيث الدنيا والدين الغ بیک گورکان خلد الله خلاي...
«Это великое место, обиталище, подобное райским садам... величайший султан, милостивейший хакан... спаситель мира и веры Улугбек Кураган, да продлит Аллах его наместничество...»

Самый конец надписи обвалился. На краю последней из сохранившихся плит, у самого излома близ верхнего края ясно читаются в конце цифры (36). Так как, по нашему мнению, цифры в конце подобной надписи могут относиться ни к чему иному, как к дате постройки здания, датой его окончания должен быть 836 год хиджры, т.е. 1433 год н. э. Следовательно, описываемый памятник является самым поздним из трех медресе, построенных Улугбеком.

Над малой аркой, служащей входом во двор, держится еще несколько плиток улугбековской майолики, часть майоличного заполнения тимпанов этой арки, а по обе стороны от нее, в двух прямоугольниках—по две строчки надписи, выполненной в типичной абдуллахановской манере. В этой надписи, также, как и в приведенной выше, имеются значительные пробелы. Прочитано нами в них следующее:

в правом прямоугольнике:

عمارت يافت باشارت عليحضرت كيوان رفعت كردون... سليمان مکت السکندر

صولت نوشيروان

معزالدنیا و الدوله و الدين ابوالغازی عبدا لله بهادرخان خلد الله ماله

⁵ Кроме майолик времен Улугбека и Абдула Хама, в бухарском медресе имеются еще заполнения тимпанов малых арок нижнего этажа восточной стороны двора, выполненные резной изразцовой мозаикой, относящейся по техническим и стилистическим особенностям к XVII веку.

„Отремонтировано по приказанию его величества, возвышенного как Сатурн... достойного Соломона, храброго как Александр... Нуширван..., ... укрепитель мира, государства и веры Абдул-Гази Абдулла Бахадур-хан, да продлит Аллах его царствование“.

Сбоку левой половины надписи мелкими буквами написано:

تمت في 199 شهر سنه باهتمام...

«Окончено в месяцы 991 года, старанием...»

Таким образом, ремонт здания произведен в 991/1583 году, т.е. всего через 150 лет после его постройки.

Двор медресе лишен облицовки или, во всякое случае, не сохранил ее до наших дней, хотя гнезда для облицовки в кладке стен кое-где имеются. Исключение составляет большая арка на западной стороне двора, облицованная внутри такой же фигурной выкладкой из разноцветных кирпичиков, как и передний фасад. Скошенный внешний край этой арки украшен несколькими майоликовыми плитками, прилепленными как попало, без всякого соблюдения рисунка, при одном из позднейших ремонтов.

В настоящее время медресе пустует. Заброшенный, оставленный людьми памятник быстро разрушается. На северной стороне и в западной стене около северо-западного угла зияют огромные проломы, доходящие до самой кровли, образовавшиеся вследствие обвала части стен в последние три года.⁶⁾ Есть кое-где значительные трещины в конструктивных частях здания. Несмотря на то, что памятник в целом производит еще впечатление хорошей сохранности, дальнейшая судьба интересного сооружения вызывает некоторые опасения.

С восточной стороны, непосредственно к медресе пристроен большой айван мечети на деревянных столбах, закрывающий северную половину фасада здания. Айван недавней постройки. Перед айваном возвышается небольшой кирпичный минарет.

Прямо против входа в медресе находится мазар Ходжа Абдул-Халыка, заключенный в небольшой двор, обнесенный с северной, восточной и южной сторон кирпичной оградой. С южной стороны к этой ограде примыкает изнутри навес на пяти деревянных столбах. С западной стороны дворик замыкается мечетью, состоящей из навеса на двух деревянных столбах. Столбы на каменных постаментах и увенчаны наборными сталактитовыми капителями. На одном из постаментов высечена полустертая временем надпись, в которой читается:

قد تمت عمارت هذا البقعة المباركة باهتمام حضرت شاه سلطان... في سنه سبع و
ربعين و تسعمائة

«Окончено это благословенное здание старанием Хазрет Шах Султана... в 947 году» (1541 году н. э.).⁷⁾

⁶⁾ На фотографиях Узкоистариса, относящихся к 1927 году, этих проломов еще нет.

⁷⁾ Если начало лунного года приходится на один солнечный год, а конец падает на следующий, то при переводе дат мусульманского летоисчисления на европейское, желательно представление двух годов европейского календаря, кроме случаев, когда указание дня или месяца позволяет сделать более точный расчет. Вот почему лучше датой постройки гинджуванского медресе Улугбека назвать 1432/3 г., поскольку 836 год начинался 28 августа 1432 года, а окончание здания мазара ходжа Абдул Халыба отнести к 1540/1 г., так как начало 947 г.х. приходится на 27 апреля 1540 года. Ред. прим. М. Массон.

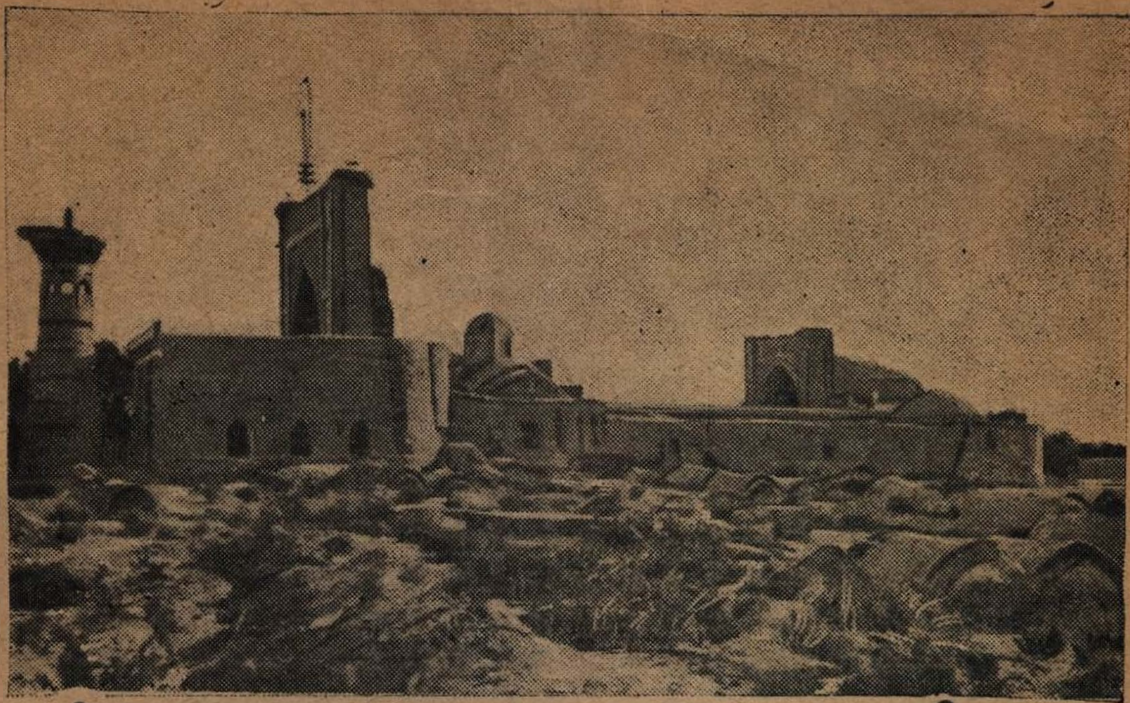
Приняв во внимание несомненные ремонты и переделки и самая мечеть, повидимому, относится к указанному в надписи времени. Интересен в мечети деревянный михраб с сталактитовой обработкой ниши, имеющей три ряда сталактитов и небольшой полукупол. Накладной (на клею) звездчатый орнамент, покрывающий михраб, большей частью осыпался и носит следы бывшей на нем некогда пестрой раскраски.

Против мечети, почти по середине двора возвышается выложенная серыми каменными плитами дахма с могилой шейха. Надгробного камня нет, только лишь на западной стороне дахмы прикреплена мраморная плита новейшего происхождения (на камне имеется дата его изготовления—1331 (1913 год) с надписью, излагающей несколько хронограмм „тарихов“ на смерть шейха.

С западной, северной и отчасти южной сторон медресе и мазар окружены обширным кладбищем. С южной стороны непосредственно к медресе примыкают жилые постройки кишлака.

Таков, в общих чертах, весьма интересный комплекс зданий, возникший на протяжении столетий вокруг знаменитого мазара, гнезда ходжей, доживающих последние дни, поджидая все более и более редких богомольцев. Комплекс этот интересен еще и тем, что отдельные его части, как нами показано выше, датируются надписями современными постройке, что при полном отсутствии литературных источников имеет большое значение.

В заключение выражаю благодарность П. А. Гончаровой за помощь, оказанную ею при обследовании памятников.

Медресе Улугбека в Гиждуване.

Портал медресе Улугбека в Гиждуване.